

К.А. Медеуова

**«О ЧЕМ ХОТЯТ ПОМНИТЬ В ГОРОДАХ»
(АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ КОММЕМОРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ
В КАЗАХСТАНЕ)**

**«WHAT IS WANTED TO BE REMEMBERED IN CITIES»
(THE ANALYSIS OF MODERN COMMEMORATIVE POLICY IN KAZAKHSTAN)**

В статье представлены результаты проекта «Актуальные практики памяти: концептуализация прошлого и конструирование идентичности в современной культуре Казахстана», который был одним из первых комплексных теоретико-методологических исследований практик памяти. В течение трех лет (2015–2017) исследовательской группой из 16 человек проводился сбор эмпирических данных в 14 регионах Казахстана, охвативший 77 музеев и 181 «мест памяти».

Ключевые слова: память, коллективная и социальная память, практики памяти, фронтир.

«Actual Memory Practices: conceptualisation of the past and identity construction in the contemporary Kazakhstan culture» is one of the first theoretical attempts of studying memory practices in modern Kazakhstan. This papers summarises the three-years fieldwork (2015–2017) presenting data on 77 museums and 181 «memory places» from 14 regions of Kazakhstan.

Keywords: memory, collective and social memory, memory practices, frontier.

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Волны популярности исследований памяти определенным образом связаны с постимперскими, постколониальными, а также постсоветскими трансформациями геополитической карты мира. Идея «национальной памяти» появилась недавно, этому типу дискурса чуть более тридцати лет (Пьер Нора, 2002). Когда память понимается, как определенная оптика, фокус процессов, происходящих в настоящее время, как актуальное для настоящего прошлое, то тогда память, больше связанная с эмоциональным переживанием Настоящего. Но в тоже время, память, может быть и инструментом каталогизации глобальных и региональных процессов поисков и конструирования идентичности и инструментом эссенциализации и мифологизации исторических реконструкций.

Поэтому в «битвах за память» участвуют не только те, кто конструирует официальный исторический нарратив, но и независимые представители академии, увлеченные «целинной» нетронутых тем, а также различные социальные группы, заинтересованные в компенсаторных возможностях дискурсов памяти.

В Казахстане проект «Актуальные практики памяти: концептуализация прошлого и конструирование идентичности в современной культуре Казахстана» [1] был одним из первых комплексных

теоретико-методологических исследований практик памяти. В течение трех лет (2015–2017) исследовательской группой из 16 человек проводился сбор эмпирических данных в 14 регионах Казахстана, охвативший 77 музеев и 181 «мест памяти».

«Место памяти» – это концепт французского исследователя Пьера Нора о своеобразных точках концентрации целостных образов страны, способов «сохранения групповой памяти в символической форме» [2]. Практики памяти – это происходящие в данный период времени коммеморативные действия. Понимание практик как языка самоописания является эффективным способом фиксации «полевого» разнообразия. Однако этот процесс имеет одну главную проблему, выделенную Никласом Луманом [3], – это проблема бесконечного новоописания. Чтобы избежать пролиферации, в проекте были определены несколько сюжетных линий, по которым концептуализировалась коммеморативная ситуация в Казахстане в постсоветский период: память на фронтире; память как культурный и социальный капитал; «место памяти» или память за/не городом; рутинизированная, травматическая, ностальгическая память; память как паломничество к сакральным объектам.

Представленный в исследовании фронтирный ракурс охватывает не только темы колониальной конфигурации пространств, но и травматической памяти. Последняя представлена экспозициями о судьбах алашординцев, участников декабрьских событий 1986 года, репрессированных, депортированных, интернированных, ссыльных, эвакуированных и незаслуженно забытых культурных акторов. Фронтирность создает имплицитную структуру совместных забот, ценностей, переживаний, нарративов, когда каждая из этих тем становится своеобразным «ключом» к обретаемой целостности. Фронтирная память возникает из понимания коллективной памяти как однородного (идеологического) единства за счет активного использования таких категорий как «мы», «народ», «нация».

О сложных отношениях между фронтирными акторами памяти, о новых способах коммеморации на примере анализа экспозиционной политики в новых музеях жертвам политических репрессий, а также об особой инфраструктуре памятных мест можно прочесть в разделе «Культурная память» на фронтире: музей как «место памяти», подготовленном У. Сандыбаевой [1, с. 44–68].

Другой блок результатов сгруппирован вокруг концепта памяти как языка самоописания или культурного капитала. Работа З. Наурузбаевой с понятиями глубины и шириты культурной памяти дали понимание того, что даже такой классический инструмент культурной памяти как составление родословных шежире подвергся трансформации, вытеснялся в зону фоновых практик, затем ревитализировался и модернизировался. Более детально познакомиться со своеобразной индустрией по написанию как классических, так и модернизированных вариантов шежире можно в разделе монографии «Трансформация практик памяти рода: от традиционного через советское к постсоветскому» [1, с. 69–91].

Важность ревитализации шежире показывают и результаты полевых музейных наблюдений. В небольших региональных музеях активно используют инструменты шежире, чтобы показать социальные сети этой местности. Стать частью местной идентичности означает иметь право размещать информацию о себе в подборках: «знаменитые военные из Торгая», «знаменитые баянаульские ученые», «почетные граждане районного центра» и т.д.

Самый интересный эпифеномен процесса поиска идентичности в Казахстане, рассмотренный в монографии, – это активное строительство в постсоветский период мазаров и мемориальных комплексов как своеобразных мест памяти. В ходе исследований было обращено внимание на различие между городскими и руральными форматами памяти. Если с памятниками в городской среде все более или менее понятно: откуда появляются идеи ваять, строить, сносить, переносить памятники, то с памятниками, которые находятся за пределами не просто городов, но зачастую, вообще, населенных пунктов, возникают сложности, а именно в определении подобных объектов в качестве мест памяти. Если использовать привычный термин «мемориальный комплекс», то он отражает только часть практик памяти, в него не попадают практики, связанные с объектами, находящимися за пределами населенных пунктов. Если для таких объектов использовать понятие «загородные мемориальные комплексы» или «руральные мемориальные комплексы и памятники», то и в этом случае они могут располагаться в существенном отдалении от населенных пунктов. Поэтому ни загородность, ни руральность не являются их главными характеристиками. Более важным и существенным оказывается то, что эти многочисленные комплексы, памятники, мазары, стелы появляются в качестве знаков постсоветского реверса к доколониальной истории. Речь идет о символах возврата к важным именам и знакам, маркирующим обширные, практически граничащие с воображаемым культурные пространства. Такие объекты, если они спонсируются за счет государства, чаще всего выглядят как

мегаломанские монументальные комплексы. Но поскольку монументальное искусство в Казахстане сохраняет в себе традиции советской индустрии памяти, то возводимые комплексы можно считать гибридными. Гибридность варьируется по исполнению, по техническим возможностям, по способам артикуляции меседжей. Национальный компонент просматривается в том, что эти мемориальные комплексы посвящены почти всегда акторам национальной истории и культуры досоветского периода. В них могут быть использованы идеи некропольной архитектоники в виде мазаров, курганов, кулпытасов и койтасов, они могут быть новоделами и даже масштабными реконструкциями большой территории как в случае «Отпан Тау» – родовой горы адайцев. Об этом подробнее можно прочитать в разделах и реестрах, подготовленных Д. Толгамбаевой [1, с. 151–170], К. Ермаганбетовой [1, с. 123–133], М. Кикимбаевым [1, с. 224–256].

Позиция, в которой память рассматривается не как исторический феномен, а как социальный, акцентирует внимание на общественном характере и одновременно на индивидуальных, локальных культурных практиках памяти, на том, как они воплощаются в речи, популяризируются в средствах массовой информации. Это позволяет использовать понятие практик памяти не только как действие, но и как дискурс.

Литература

1. Практики и места памяти в Казахстане / К. А. Медеуова [и др.]. Астана, 2017.
2. Проблематика мест памяти / П. Нора [и др.]. СПб., 1999.
3. Луман Н. Самоописания (Общество общества). М., 2009.